

DOI: 10.17803/1729-5920.2020.168.11.035-042

П. И. Костокрызов*

Метакатегория «народ» и границы познания науки конституционного права

Аннотация. Отталкиваясь от существующих в отечественной науке подходов к интерпретации термина «народ», автор делает вывод о том, что в конституционном праве он используется по крайней мере в двух различных значениях — как источник власти и как субъект конституционных прав. Показана неустранимость этой двойственности и обоснован тезис о том, что понятие народа как источника власти является одним из предельных понятий конституционного права и поэтому не может быть определено в его рамках. Осознание этой проблемы приводит одних российских юристов к отрицанию самого принципа народного суверенитета, а других — к попыткам отождествить понятие «народ как источник власти» с избирательным корпусом. Возражая против обеих этих позиций, автор показывает, что согласно теореме Гёделя о неполноте конституционное право как система формально определенных норм не может быть одновременно полным и непротиворечивым. Попытки построения «чистой» конституционно-правовой теории, свободной от любых внеюридических элементов, в которой определения всех понятий, которыми она оперирует, были бы выводимы в ней самой из других понятий, определенных в ней же, приводят к неразрешимым противоречиям. Если же система конституционного права строится как непротиворечивая, она с неизбежностью оказывается неполной, в частности в ней используются понятия, неопределяемые в ее рамках. Автор рассматривает такие понятия и категории, принадлежащие к более высокому уровню абстрагирования, как метакатегории, или предельные понятия, конституционно-правовой науки. Категория «народ как источник власти» является одной из них. Касаясь дилеммы полноты и непротиворечивости конституционного права как системы формально определенных норм, автор отстаивает приоритетность непротиворечивости.

Ключевые слова: теория государства и права; конституционное право; конституция; народ; население; власть; источник власти; избиратели; электорат; метакатегория; предельное понятие; пределы познания; непротиворечивость.

Для цитирования: Костокрызов П. И. Метакатегория «народ» и границы познания науки конституционного права // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 11. — С. 35–42. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.168.11.035-042.

A Meta-Category “People” and Limits of Cognition in the Science of Constitutional Law

Pavel I. Kostogryzov, Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Law Department, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
ul. Sofyi Kovalevskoy, d. 16, Yekaterinburg, Russia, 620108
pkostogryzov@yandex.ru

Abstract. Based on approaches existing in domestic science to the interpretation of the term “a people”, the author concludes that in constitutional law the term under consideration is used in at least two different meanings: 1. as a source of power; and 2. as a subject of constitutional rights. The author highlights the irreducibility of this

© Костокрызов П. И., 2020

* Костокрызов Павел Игоревич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела права Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук
ул. Софьи Ковалевской, д. 16, г. Екатеринбург, Россия, 620108
pkostogryzov@yandex.ru

duality and substantiates the thesis that the concept of the people as a source of power is one of the limiting concepts of constitutional law and, therefore, cannot be defined within its framework. Awareness of this problem leads some Russian lawyers to denying the principle of popular sovereignty, and other scholars try to equate the concept of “a people as a source of power” with the concept of electoral corps. Arguing both these approaches, the author highlights that according to Gödel’s theorem on incompleteness, constitutional law as a system of formally defined norms cannot be complete and uncontroversial at the same time. Attempts to construct a “pure” constitutional-legal theory free of any extra-legal elements where definitions of all concepts the theory operates would be derived from the theory itself lead to intractable contradictions. If the system of constitutional law is built as non-contradictory, it is inevitably incomplete, in particular it uses concepts that cannot be defined within its framework. The author investigates such concepts and categories belonging to a higher level of abstraction as meta-categories, or marginal concepts, of the science of constitutional law. The category “the people as a source of power” is one of them. Concerning the dilemma of completeness and consistency of constitutional law as a system of formally defined norms, the author prioritizes consistency.

Keywords: theory of state and law; constitutional law; constitution; people; population; power; source of power; voters; electorate; meta-category; marginal concept; limits of cognition; consistency.

Cite as: Kostogryzov P.I. Metakategoriya «narod» i granitsy poznaniya nauki konstitutsionnogo prava [A Meta-Category “People” and Limits of Cognition in the Science of Constitutional Law]. *Lex russica*. 2020;73(11):35-42. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.168.11.035-042. (In Eng., abstract in Russ.)

Одним из ключевых вопросов в науке конституционного права является вопрос об источнике государственной власти. В современном мире господствует концепция, возводящая власть государства к воле народа или нации. Из этого принципа исходит и действующая Конституция Российской Федерации (ч. 1 ст. 3).

Таким образом, категория «народ» является одной из основополагающих для конституционного права и поэтому нуждается в тщательном изучении и четком определении. Такие исследования неоднократно предпринимались отечественными учеными, как юристами, так и философами¹, однако нельзя сказать, что тема исчерпана.

Интересный подход к конституционно-правовому определению понятия «народ» предлагает Д. А. Авдеев². Ученый настаивает, что «правильнее было бы считать источником власти не весь народ, а лишь ту его часть, которая именуется избирателями», предлагая, таким образом, отождествить понятие народа как источника власти с электоратом, то есть совокупностью граждан, обладающих активным избирательным правом³. При этом он вводит

термин «фактический источник власти»⁴, каковым считает лишь ту часть электората, которая действительно принимает участие в голосовании. Эту последнюю категорию следует отнести скорее к политической науке, так как отношения власти в государстве в правовом смысле должны носить более фундаментальный характер и не могут ставиться в зависимость от процента явки избирателей на каждом конкретном референдуме или выборах. Фактические же властеотношения на практике почти всегда в той или иной степени отличаются от юридических. Так, фактическим источником власти военно-диктаторских режимов является вооруженная сила, но ни одна военная диктатура не заявляет об этом открыто в конституции. Очевидно, что автор и сам осознает неюридический характер категории «фактический источник власти», поскольку он, лишь упомянув ее, не развивает свою мысль в этом направлении.

Гораздо больший интерес с точки зрения конституционного права представляет идея Д. А. Авдеева о тождественности источника власти не всему народу, а избирательному кор-

¹ См., например: *Денисов С. А.* Реальное государственное право современной России. Екатеринбург, 2016. Т. 2 ; *Фан И. Б.* Политическая онтология российского гражданина: содержание против формы. Екатеринбург, 2018.

² *Авдеев Д. А.* Российский народ как субъект конституционного права // Конституционное и муниципальное право 2017. № 11. С. 14–17 ; *Он же.* Избиратели как источник власти, или Юридическое измерение категории «народ» // Современное право. 2015. № 11. С. 25–30.

³ *Авдеев Д. А.* Избиратели как источник власти ... С. 27 ; *Он же.* Российский народ как субъект конституционного права. С. 16–17.

⁴ *Авдеев Д. А.* Российский народ как субъект конституционного права. С. 17.

пусу. Ее развитие приводит нас к нескольким важным следствиям.

Допустим, что народ как источник власти представляет собой совокупность всех граждан, обладающих активным избирательным правом. Очевидно, что в его состав не входят иностранцы, лица без гражданства и несовершеннолетние граждане. Не входят в него и граждане, признанные судом недееспособными, а также приговоренные к лишению свободы, так как они лишены избирательных прав. Нахождение в местах лишения свободы ограничено определенным сроком, состояние недееспособности может прекратиться по решению суда, например в связи с излечением от психического заболевания. Получается, один и тот же человек то входит, то не входит в избирательный корпус по мере вынесения решений судов и освобождения из заключения. Соответствует ли такая нестабильность персонального состава научному статусу столь фундаментального понятия, каковым является «источник власти»?

Возникает и еще ряд частных, но с теоретической точки зрения не менее важных вопросов. Например: если приговор к лишению свободы был отменен и незаконно осужденный реабилитирован, то входил ли он в состав источника власти во время отбывания неправомерного наказания или нет?

Но самое важное следствие теории, признающей источником власти избирательный корпус, которое не позволяет нам согласиться с ней, состоит в следующем: суд, приговаривая гражданина к лишению свободы, реабилитируя его или освобождая условно-досрочно, тем самым определяет состав источника власти, в том числе своей собственной. То есть одна из ветвей власти решает, от кого ей «проистекать»! На наш взгляд, это логический абсурд.

Кроме того, государственный строй (форма власти) определяется не только голосованием, но и иными политическими действиями народа — от мирных протестов до свержения старой власти и учреждения новой. А тут уже неважно, обладают ли участники этих событий избирательными правами, — наоборот, часто именно лишены этих прав играют в событиях такого рода большую роль, чем избиратели.

Да и в периоды стабильности властная конфигурация определяется не только голосованием, но и всем политическим поведением наро-

да, прежде всего повиновением существующей власти, признанием ее легитимности и т. д. А в этом участвуют и заключенные, и лишённые дееспособности, и даже несовершеннолетние. То есть не только избиратели, но все граждане (а иногда и неграждане), составляющие народ данной страны.

Наконец, наиболее фундаментальное возражение против отождествления источника власти с электоратом состоит в следующем. Правомерно ли сводить народ — в этом именно смысле, как источник власти — только к ныне живущим? Ведь существующий в той или иной стране на данный момент государственный строй сформировался исторически, в результате деятельности нескольких поколений людей. И политическая воля уже ушедших граждан легитимирует его не в меньшей, а возможно, и в большей, степени, чем воля живых. Обычно народ понимается как единство прошлых, нынешних и будущих поколений⁵. Именно так его трактовали и авторы тех конституций, в которых он прямо или косвенно провозглашается источником власти, например американской («Мы, народ Соединенных Штатов...»), Российской Федерации («Мы, многонациональный народ Российской Федерации...»). В этих и подобных им преамбулах речь идет явно не об избирательном корпусе, хотя бы потому, что избирательное право определялось самой принимаемой конституцией, т.е. состав избирателей, утверждавших конституцию на референдуме (или выбравших орган, уполномоченный на ее принятие), мог отличаться от того, который сформировался в стране после ее введения в действие.

С другой стороны, конституции, как правило, содержат положения, конкретизирующие политические права народа. К таким конституционным правам относится, например, право формировать путем выборов органы власти и местного самоуправления. И вот в этом контексте отождествление народа — субъекта этих прав — с избирательным корпусом допустимо (хотя не все юристы готовы полностью согласиться с ним). Во всяком случае, Д. А. Авдеев прав в том, что вводит понятие народа как субъекта конституционного права и ставит проблему его разграничения с понятием народа как источника власти.

Итак, вполне обоснованным представляется вывод, что термин «народ» употребляется в

⁵ См., например: *Черепанов В. А.* Народ и государство: о доктринальном толковании конституционной модели // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 135.

конституционных текстах как минимум в двух несовпадающих значениях. И если первое из них — народ как субъект конституционного права — поддается юридической формализации, то второе — народ как источник власти, очевидно, представляет собой нечто большее и трудно определяемое в терминах «чистого» конституционного права. Д. А. Авдеев предлагает снять эту двойственность самым радикальным способом: оставить в конституционном законодательстве только слово «избиратели», заменив им «термин “народ”, имеющий скорее схоластический характер, нежели сугубо юридический»⁶.

Какие еще подходы к концептуализации понятия «народ» существуют в конституционно-правовой науке?

Ряд авторов разделяет скептицизм Д. А. Авдеева. Близкую позицию занимает И. Н. Барциц. Солидаризируясь с мнением А. Марсиано о мифологическом характере конституционного положения, согласно которому народ является источником власти, он пишет: «Народа метафизического нет, как нет народа эмпирического — есть избирательный корпус, есть просто избиратели. Можно выявить волю избирательного корпуса в целом, волю конкретного избирателя, но практически невозможно выявить единую волю народа»⁷. Но при этом И. Н. Барциц все же не предлагает вычеркнуть понятие «народ» из конституций и не отождествляет его с избирателями: «Вместе с тем никакая часть народа не должна присваивать себе права суверенитета. Электорат — это только часть народа»⁸.

Гораздо дальше в вопросе пересмотра представления о народе как источнике власти идет В. В. Иванов, которому представляется очевидным, «что теория “народного суверенитета” находится в непримиримом, непреодолимом противоречии с понятиями власти и государства...» и «что народонаселение (нация) не

является сувереном. Более того, ему вообще не принадлежит и не может принадлежать никакая власть ни над собой, ни над кем- или чем-либо и уж тем более оно не способно быть никаким источником власти. Учения о том, что власть принадлежит народонаселению (нации) и даже им осуществляется, что “народная” власть суверенна, что суверенная власть исходит от народонаселения (нации), относятся к самым выдающимся мистификациям государственной теории»⁹.

Некоторые конституционалисты, не отвергая понятие народа как источника власти, соглашались с Д. А. Авдеевым в части отождествления этой категории с избирательным корпусом. Так считают, в частности, М. Л. Давыдова и Ю. А. Боков¹⁰, которые опираются в своем выводе на постановление Конституционного Суда РФ от 22.04.2013 № 8-П, где говорится, что голос гражданина как избирателя «выступает слагаемым общей воли народа»¹¹. Однако из того, что воля народа выражается посредством голосования, еще не следует, что возможно свести народ к электорату.

Другие ученые — и их, пожалуй, большинство — разводят понятия «народ» и «избиратели». Сторонники социологического правового понимания сосредотачивают внимание на различении категорий «народ» и «население», при этом формальному признаку обладания избирательным правом отводится отнюдь не главное место. С. А. Денисов настаивает, что «народ следует отличать от массы населения... Народ — это значительная часть населения страны, достигшая определенного уровня развития»¹². Он перечисляет целый ряд свойств, которыми должен обладать «народ в отличие от массы (охлоса)»: единство, сознание своих интересов, активность, способность к самоорганизации, независимость от государственного аппарата, основанная на частной собственности, свобода (как свойство самодостаточных

⁶ Авдеев Д. А. Российский народ как субъект конституционного права. С. 17.

⁷ Барциц И. Н. Конституционная мифология: возникновение, предназначение и практика применения (ч. 1) // Государство и право. 2018. № 12. С. 63.

⁸ Барциц И. Н. Указ. соч.

⁹ Иванов В. В. Теория государства. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. С. 17–18.

¹⁰ Давыдова М. Л., Боков Ю. А. Многонациональный народ Российской Федерации как источник государственной власти субъекта РФ: за и против // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 1. С. 101–111.

¹¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 22.04.2013 № 8-П // URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-22042013-n/> (дата обращения: 14.04.2020).

¹² Денисов С. А. Указ. соч. С. 13.

индивидов, не нуждающихся в опеке), способность выделять из своей среды элиты¹³. Таким образом, даже не все избиратели включаются в состав народа как источника власти.

Емкое определение российского народа как источника власти попытался дать И. В. Иванов: «Многонациональный народ Российской Федерации следует определять как исторически сложившуюся общность людей, основанную на единстве территории проживания, правовой связи посредством гражданства с одной политической организацией — Российским государством, интересе в безопасности и социально-экономическом развитии данного государства и объединенную вокруг государствообразующей русской нации»¹⁴. Как видим, автору не удалось «вместить» свою дефиницию в узко-юридические рамки: если территорию проживания народа можно очертить государственными границами, а гражданство имеет очевидный правовой характер, то «интересу в безопасности и развитии государства», равно как и степени «объединения вокруг государствообразующей нации», не говоря уже о самом понятии «государствообразующей русской нации», о котором сломан не один десяток научных и политических перьев, формально-юридического определения дать невозможно.

Это свойство понятия «народ» — ускользать от «схватывания» его гносеологическим аппаратом юридической науки — вполне осознается правоведами. Те из них, кто не считает возможным отказаться от самого термина «народ», выбирают путь расщепления обозначаемого им понятия на два, одно из которых целиком принадлежит правовой материи и определяется в юридических терминах, а второе имеет сверхюридический, надправовой характер. Так, В. А. Черепанов предложил различать «конкретный» и «абстрактный» народ, отнеся первую категорию к сфере сущего, а вторую к области должного¹⁵. Справедливо отметив, что «с одной стороны, эмпирическое понятие не позволяет адекватно раскрыть правовую природу народа как источника власти, а

с другой — абстрактное понятие неприменимо при рассмотрении конкретных правоотношений»¹⁶, он усмотрел здесь «исходное и базовое противоречие российской государственности, которое получает свое специфическое выражение в различных властных отношениях: как при осуществлении народом учредительной власти путем референдума и выборного формирования органов публичной власти, так и при реализации народом своей власти через органы публичной власти»¹⁷. Но это противоречие мыслилось им как чисто гносеологическое — существующее в разуме познающего субъекта противоречие между двумя модусами восприятия одного явления. «Теоретическое познание создает понятие абстрактного народа как правового существа, являющегося источником всей публичной власти и выступающего первосущностью всей государственности... исходным вместилищем (субстратом) всей власти. Такая нематериальная сущность, созданная разумом, есть», по мнению ученого, «лишь абстрактная конструкция и правовая фикция»¹⁸.

Как мы видим, неоднозначность термина «народ» осознается конституционалистами как научная проблема, требующая решения. Выход, предлагаемый Д. А. Авдеевым, кажется нам чересчур радикальным: вряд ли мир в настоящее время готов последовать призыву ученого и совсем отказаться от употребления слова «народ» в конституциях. Кроме того, как показано выше, отождествление источника власти с электоратом приводит к неснимаемым противоречиям.

Боле перспективной нам представляется линия рассуждений, намеченная в работах В. А. Черепанова. Попытаемся продолжить ее, сделав одно необходимое методологическое замечание. Согласно теореме Гёделя о неполноте, любая система формально определенных норм (а к таким системам относится и конституционное право — и как конституция конкретного государства, и как соответствующая отрасль науки) не может быть одновременно полной и

¹³ Денисов С. А. Указ. соч. С. 13–16.

¹⁴ Иванов И. В. Суверенитет многонационального народа Российской Федерации. Вопросы теории и практики. М. : Русайнс, 2015. С. 6.

¹⁵ Черепанов В. А. Мы, многонациональный народ Российской Федерации... // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 5. С. 130–132.

¹⁶ Черепанов В. А. Мы, многонациональный народ Российской Федерации... С. 132.

¹⁷ Черепанов В. А. Мы, многонациональный народ Российской Федерации... С. 132–133.

¹⁸ Черепанов В. А. Мы, многонациональный народ Российской Федерации... С. 135.

непротиворечивой¹⁹. Поэтому конституционалистам приходится делать выбор между полнотой и непротиворечивостью своих построений. Важно, чтобы выбор этот был осознанным.

Те ученые, которые, как Д. А. Авдеев, стремятся к построению «чистой» конституционно-правовой теории, свободной от любых внеюридических элементов, очевидно, отдают предпочтение полноте: определения всех понятий, которыми оперирует теория, должны быть выводимы в ней самой из других понятий, определенных в ней же. Таким образом, право строится как замкнутая система, изолированная от других областей знания. Это в принципе достижимо, но при этом неизбежны неразрешимые противоречия.

Противоположный подход допускает неполноту системы конституционного права, в частности использование понятий, неопределяемых в ее рамках, что позволяет избежать противоречий. На наш взгляд, непротиворечивость представляет собой более ценное качество конституционного права, чем полнота. Дело в том, что противоречия в праве чреваты неразрешимыми коллизиями в процессе право-реализации, тогда как неполнота может быть компенсирована привлечением знаний из других дисциплин.

Такая конструкция конституционного права, которая допускает его заведомую неполноту, означает не «пробельность» права, а лишь его открытость по отношению к другим наукам об обществе и государстве. Всякая система знания, стремящаяся к непротиворечивости, должна строиться как незамкнутая. Поэтому она необходимо включает положения, недоказуемые в ней самой, но доказываемые в других науках, а также понятия и категории, принадлежащие к более высокому уровню абстрагирования, которые можно назвать метакатегориями, или предельными понятиями данной науки. Их «предельность» означает не абсолютную непознаваемость, а лишь то, что в них научная дисциплина «выходит к максимально достижимому уровню рефлексии»²⁰. Это не делает дальнейшее движение познающей мысли не-

возможным, но переводит его в предметное поле другой науки. Так проявляется единство и системность научного познания.

Понятие народа как источника власти как раз и маркирует границу рефлексии конституционно-правовой науки. Принадлежит к иному уровню абстрагирования, оно образует одну из ее метакатегорий. На каком основании мы можем это утверждать? Так как конституционное право фиксирует сложившуюся в обществе конфигурацию властеотношений, оно не может создавать источник самих этих отношений, поскольку источник власти является вместе с тем и источником (в материальном смысле) конституции. А значит, он не может быть исчерпывающе познан средствами конституционно-правовой науки. Поэтому конституции не определяют, а лишь **называют** источник власти. Его непротиворечивое описание и дефиниция — задача для всей системы общественных наук.

Поскольку познавательные возможности любой отдельно взятой дисциплины ограничены, там, где она достигает своих пределов, она должна опираться на эпистемологический потенциал смежных отраслей знания. Подходя к вопросу об источнике власти, юридическая наука непосредственно сталкивается с проблемой своих надправовых, метаюридических оснований, иными словами — с проблемой собственной неполноты.

Вот почему понятие народа как источника власти представляется абстрактным или даже схоластическим тем юристам, которые стремятся к построению «чистой» теории конституционного права. Если мы заменим эпитет «схоластическое» на «метаюридическое», ситуация станет более ясной. Как справедливо замечает В. А. Черепанов, «понятие “народ” используется в различных науках, представляется междисциплинарной категорией и отличается значительными объемом и содержанием»²¹. Действительно, «абстрактный народ» конституционалистов приобретает реальное бытие при рассмотрении его другими науками: политической философией, социальной теорией, а также историей — последней постольку, поскольку

¹⁹ Лобовиков В. О. Проблема неполноты формально определенных систем норм позитивного права, первая теорема Гёделя о неполноте и юридические фикции как важный компонент юридической техники // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 2 (49). С. 53–57.

²⁰ Снитко Т. Н. Предельные понятия в западной и восточной лингвокультурах : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Пятигорск, 1999.

²¹ Черепанов В. А. Народ и государство: о доктринальном толковании конституционной модели // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 132.

народ как источник власти представляет собой единство ряда сменяющих друг друга поколений «конкретного народа». Возможно, на роль метатеории для конституционного права могло бы претендовать государствоведение как комплексная наука о государстве, формирующаяся на стыке общественно-научных дисциплин и синтезирующая полученные ими результаты.

Что же касается понятия народа как субъекта конституционного права, то оно полностью входит в предмет науки конституционного права и именно им оперируют конституционные тексты в тех положениях, которые определяют права граждан. Ему можно дать однозначную и непротиворечивую формально-юридическую дефиницию. Однако предлагаемое Д. А. Авдеевым отождествление народа даже и в этом, узком смысле с избирательным корпусом вызывает обоснованные возражения со стороны некоторых юристов. Так, О. П. Егоршина и О. О. Зацепа полагают, что такое отождествление «не отражает юридических характеристик народа. Под народом следует понимать совокупность граждан, обладающих конституционно-правовой правоспособностью»²².

Итак, понятие «народ» в конституционном праве используется по крайней мере в двух различных значениях: как носитель суверенитета или источник власти — в преамбулах и основополагающих статьях конституций и как субъект конституционных прав — в положениях, закрепляющих систему избирательных и иных политических прав граждан. Второе значение поддается формально-юридической дефиниции, тогда как первое принадлежит теории более высокого уровня абстрагирования, которая по отношению к конституционному праву выступает как метатеория. Попытка снять эту двойственность путем отказа от использования понятия «народ» в «абстрактном» смысле шла бы вразрез с волей учредительной власти: употребление авторами конституций этого термина именно в значении источника власти показывает, что они строили систему конституционного права как незамкнутую, и у конституционно-правовой науки нет разумных оснований отказываться от использования метаюридических категорий. Поэтому следует не избегать использования термина «народ», а учитывать его неоднозначность.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авдеев Д. А. Избиратели как источник власти, или Юридическое измерение категории «народ» // Современное право. — 2015. — № 11. — С. 25–30.
2. Авдеев Д. А. Российский народ как субъект конституционного права // Конституционное и муниципальное право. — № 11. — 2017. — С. 14–17.
3. Барциц И. Н. Конституционная мифология: возникновение, предназначение и практика применения (ч. 1) // Государство и право. — 2018. — № 12. — С. 56–70.
4. Давыдова М. Л., Боков Ю. А. Многонациональный народ Российской Федерации как источник государственной власти субъекта РФ: за и против // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Юриспруденция. — 2019. — № 1. — С. 101–111.
5. Денисов С. А. Реальное государственное право современной России. — Екатеринбург, 2016. — Т. 2. — 414 с.
6. Егоршина О. П., Зацепа О. О. Народ как источник государственной власти // Управленческое консультирование. — 2010. — № 1. — С. 43–49.
7. Иванов И. В. Суверенитет многонационального народа Российской Федерации. Вопросы теории и практики. — М. : Русайнс, 2015.
8. Иванов В. В. Теория государства. — М. : Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. — 288 с.
9. Лобовиков В. О. Проблема неполноты формально определенных систем норм позитивного права, первая теорема Гёделя о неполноте и юридические фикции как важный компонент юридической техники // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2013. — № 2 (49). — С. 53–57.
10. Снитко Т. Н. Предельные понятия в западной и восточной лингвокультурах : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Пятигорск, 1999.

²² Егоршина О. П., Зацепа О. О. Народ как источник государственной власти // Управленческое консультирование. 2010. № 1. С. 45.

11. Фан И. Б. Политическая онтология российского гражданина: содержание против формы. — Екатеринбург, 2018.
12. Черепанов В. А. Мы, многонациональный народ Российской Федерации... // Сравнительное конституционное обозрение. — 2018. — № 5. — С. 126–137.
13. Черепанов В. А. Народ и государство: о доктринальном толковании конституционной модели // Журнал российского права. — 2019. — № 1. — С. 129–141.

Материал поступил в редакцию 8 мая 2020 г.

REFERENCES

1. Avdeev DA. Izbirateli kak istochnik vlasti, ili Yuridicheskoe izmerenie kategorii «narod» [Voters as a source of power, or Legal dimension of the category “people”]. *Sovremennoe pravo*. 2015;11:25-30. (In Russ.)
2. Avdeev DA. rossiyskiy narod kak subekt konstitutsionnogo prava [The Russian People as a Subject of Constitutional Law]. *Constitutional and Municipal Law*. 2017;11:14-17. (In Russ.)
3. Bartsitz IN. Konstitutsionnaya mifologiya: vzniknovenie, prednaznachenie i praktika primeneniya [Constitutional mythology: emergence, purpose and practice of application]. *State and Law*. 2018;12:56-70. (In Russ.)
4. Davydova ML, Bokov YuA. Mnogonatsionalnyy narod Rossiyskoy Federatsii kak istochnik gosudarstvennoy vlasti subekta rf: za i protiv [The multinational people of the Russian Federation as a source of state power of the subject of the Russian Federation: for and against]. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*. 2019;1:101-111. (In Russ.)
5. Denisov SA. Realnoe gosudarstvennoe pravo sovremennoy rossii [Real State Law of Modern Russia]. Vol. 2. Ekaterinburg; 2016. (In Russ.)
6. Egorshina OP, Zatsepa OO. Narod kak istochnik gosudarstvennoy vlasti [A people as a source of state power]. *Administrative Consulting*. 2010;1:43-49. (In Russ.)
7. Ivanov IV. Suverenitet mnogonatsionalnogo naroda Rossiyskoy Federatsii. Voprosy teorii i praktiki [The sovereignty of the multinational people of the Russian Federation. Questions of Theories and Applications]. Moscow: Rusains Publ.; 2015. (In Russ.)
8. Ivanov VV. Teoriya gosudarstva [Theory of the State]. Moscow: State University Publishing House — Higher School of Economics; 2010. (In Russ.)
9. Lobovikov VO. Problema nepolnoty formalno opredelennykh sistem norm pozitivnogo prava, pervaya teorema gedelya o nepolnote i yuridicheskie fiktsii kak vazhnyy komponent yuridicheskoy tekhniki [The problem of incompleteness of formally defined systems of norms of positive law, Gödel’s first theorem on incompleteness and legal fictions as an important component of legal technology]. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia [Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii]*. 2013;2(49):53-57. (In Russ.)
10. Snitko TN. Predelnye ponyatiya v zapadnoy i vostochnoy lingvokulturakh : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [Marginal concepts in Western and Eastern linguocultures: Author’s Abstract]. Pyatigorsk; 1999. (In Russ.)
11. Fan IB. Politicheskaya ontologiya rossiyskogo grazhdanina: soderzhanie protiv formy [Political ontology of the Russian citizen: content against form]. Yekaterinburg; 2018. (In Russ.)
12. Cherepanov VA. My, mnogonatsionalnyy narod Rossiyskoy Federatsii... [We, the multinational people of the Russian Federation...]. *Sravnitel’noe konstitutsionnoe obozrenie [Comparative Constitutional Review]*. 2018;5:126-137. (In Russ.)
13. Cherepanov VA. Narod i gosudarstvo: o doktrinalnom tolkovanii konstitutsionnoy modeli [People and the State: on the Doctrinal Interpretation of the Constitutional Model]. *Journal of Russian Law*. 2019;1:129-141. (In Russ.)